

ИСТОРИЯ ПРАСКОВЬИ АДСКОЙ

Адская Прасковья Федоровна

В своей светлой, уютной, чистой квартире Прасковья Фёдоровна неспешно делится своими воспоминаниям. Одинокая пожилая женщина, с приятным доброжелательным лицом, особо не тронутым годами, с ясным умом, твёрдой памятью, удивительной открытостью и добротой. Я не сразу поняла, что она совсем незрячий человек. Вот её рассказ.

Сама я родом из Коегощи, что под Боровичами, родилась 2 октября 1921 года. В 1940-м году закончила боровичское медучилище, работала в больнице. От больницы была направлена на торфоразработки на Тухун, там и узнала о начале войны. Вернулась в больницу, сходила домой, пришла в военкомат и сразу была направлена в хирургический госпиталь №2196. Раненых привозили самолётами, поездами-летучками. Перевязки, лечение день и ночь, иначе, если не каждый день перевяжешь — сыпались черви.

В Боровичах были недолго, госпиталь двигался в Хвойную. Мы собрались, погрузились на железную дорогу и поехали на станцию Переданиха. Когда ехали, первый раз нас стали бомбить. Вдруг кричат: «Фашисты!» — и поезд остановили. Мы побежали в лес, были раненые. Самолёты делали несколько налётов, бомба попала в вагон с хлебом. Только заберёмся в вагоны, опять бомбёжка. В Хвойную приехали только вечером. Госпиталь разместили в кинотеатре, выносили стулья. Здесь мы ночевали, кто на столах, кто на диванах. Персонал 30 человек. Утром нас разбудили, повели в столовую, потом разбирали посадочные стулья, мыли полы, расставляли койки. Раненые поступали с Ленинградского фронта. У некоторых забинтованные лица, прокопают дыры для глаз. Ведущим хирургом была москвичка Наркевская. Утром шли на обход, а пока подойдёшь к каждому, уже обед.

Были там недолго, вернулись в Боровичи, нас расформировали и оттуда направили на Волховский фронт, где в окружении была 2-я ударная армия. С нами была заведующая отделением врач Зоя Васильевна Брянцева. Здесь из хирургического госпиталя сделали один хирургический на 1000 коек и два инфекционных по 100 коек. На Волховском фронте жили летом в палатках. К нам поступали раненые с дизентерией, брюшным тифом, гепатитом. Хотя всех нас прививали, были среди медперсонала и заболевшие. Однажды на Волховском фронте к нам в госпиталь приехал командующий 52-й армией генерал Яковлев. Его младший сын Всеволод заболел, я его лечила. Его младший сын попросил отца, чтобы я оставалась у него на индивидуальном посту. У него была койка в отдельном небольшом помещении. У меня комната была рядом. Всеволод быстро пошел на поправку. Мне сшили офицерскую форму, я была старшина медицинской службы. Через какое-то время у Севки начался рецидив — открылось желудочное кровотечение, и как раз в это время опять приехал генерал. У меня было чистое бельё, я успела накинуть на Севку бельё. Не раньше, не позже. Всеволод сказал, чтобы только я была рядом, и я продолжала давать ему лекарства. Мы его вылечили. Старший сын генерала был офицером 52-й армии. Я получила от генерала медаль «За боевые заслуги». После выздоровления Севка поехала в Боровичи к маме, но там была недолго, хотелось обратно в госпиталь. В 1943 году госпиталь был передвижной, потом стали двигаться дальше, останавливались в деревнях, в помещениях для скота делали нары. Ехали на Украину, в Молдавию, попадали под бомбёжки, то недолёт, то перелёт. Нас передвигали автоколоннами. Главный врач был Егоров, персонал пополнялся медиками из других городов. Поехали в Румынию. Там влюбилась в русского. Разместились в школе, ходили за вишнями, яблоками, набирали в вещевые мешки и приносили раненым. Румыны относились к нам неплохо, помогали. В Румынии в городе Яссы стояли почти год. Дома и хаты там не закрывались, никто не лез. С частями мы шли на другой фронт, лечили инфекционных больных бактериофаком.

Из Румынии направились в Германию в город Розенберг, до Берлина не дошли немного, но некоторые и я, в том числе, ездили с солдатами в Берлин, туда свезут, а обратно добираемся сами. Сразу было видно, что Германия была богатая. Мы жили в свободных домах. Со мной была Рыбальченко. По одному ходить не разрешалось, только группами. В подвалах были консервы, фрукты, стеллажи.

Дежурства были тяжёлые, даёшь бактериофак, а через два часа второй и так далее. Спать хотелось, раздаём лекарства, приляжем в ногах у больных и дремлем.

Как узнали, что война закончилась? Наш госпиталь был в одном из населённых пунктов Германии. Ехали солдаты на повозках, кричали: «Войне конец!» А мы им в ответ: «Выпили, так и война кончилась». Начальник госпиталя Егоров отправил почтальона узнать, потом сказал: «Девчонки, правда. Конец». Наш повар был из Боровичей — нам по юо грамм, приготовил закуску, отметили Победу. А я и не думала, что вернусь с войны живой.

Спрашиваю, Прасковья Федоровна, чем я могу Вам помочь? Отвечает: «Государство позаботилось обо мне, пенсия хорошая, соседи часто приходят, из собеса тоже обслуживают. Приходите ещё, буду рада».

Спустя некоторое время Прасковьи Фёдоровны не стало. Искренне жаль, я перенесла её уход как личную потерю.